

5. Мусатов В. В. «Всегда над нами – власть вещей...»: Лирика Иннокентия Анненского и пушкинская традиция // Мусатов В. В. Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX века. М., 1998.
6. Петрова Г. В. Творчество Иннокентия Анненского. Великий Новгород, 2002.
7. Гитин В. Е. Точка зрения как эстетическая реальность: Лексические отрицания у Анненского // Иннокентий Анненский и русская культура XX века. СПб., 1998.
8. Анненский И. Ф. Стихотворения и трагедии / вступит. ст., сост., подгот. текста, примеч. А. В. Федорова. Л., 1990.
9. Гитин В. Е. «Интенсивный метод» в поэзии И. Анненского (поэтика вариантов: два «пушкинских» стихотворения в «Тихих песнях») // Рус. лит. 1997. № 4.
10. Кулькина Л. В. Типология псевдонима «никто» в «Тихих песнях» И. Анненского // Классич. и неклассич. модели мира в отеч. и заруб. лит. Волгоград, 2006.
11. Анненский И. Ф. Письма: В 2 т. / сост., предисл., коммент. и указатели А. И. Червякова. Т. 1: 1879–1905. СПб., 2007.
12. Веселовский А. Н. Из истории эпитета // Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М., 1989.
13. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки: Предисловие к Рихарду Вагнеру / пер. с нем. Н. А. Рачинского. СПб., 2005.
14. Тюпа В. И., Мешкова Г. А., Курбатова Н. В. Архитектоника циклизации (о «Трилистниках» И. Анненского) // Исторические пути и формы художественной циклизации в поэзии и прозе. Кемерово, 1992.
15. Барзах А. Е. «Тоска» Анненского // Гумилевские чтения. СПб., 1996.
16. Лавров А. В., Тименчик Р. Д. Иннокентий Анненский в неизданных воспоминаниях // Памятники культуры. Новые открытия : ежегодник. Л., 1983.
17. Федоров А. В. Иннокентий Анненский: Личность и творчество. Л., 1984.

А. Г. Неверова

г. Омск

«Несобранный» любовный цикл в «Провинциальной пристани» А. Кутилова

*Посвящается Г. П. Великосельскому,
моему наставнику и проводнику
в мир поэзии
Аркадия Кутилова*

Хотя славу никому не известному пареньку из глухой сибирской деревни еще в начале шестидесятых годов пророчил знаменитый Твардовский, при жизни Кутилову так и не позволили побродить по «поэтическому Парнасу» в силу бескомпромиссной обличительности его стихов и весьма специфического ведения быта. Поэт был бомжем. Алкоголиком.

Не раз лежал в психиатрической больнице. Сидел в тюрьме... Но ни на секунду своей жизни не перестал быть Поэтом. И Человеком. Еще десять лет назад его имя было под категорическим запретом, публикации его стихов были библиографической редкостью. Сегодня завеса неведения слегка приоткрылась: вышли в свет сборники его стихов, такие как «Провинциальная пристань», «Скелет звезды», «Город кенгуру» и др.; столичные и региональные литературные альманахи публикуют отдельные его произведения; поэту-маргиналу была посвящена серия телепередач, повествующих о его непростой судьбе, и даже научная конференция. Однако до сих пор мало кто знает, что кроме великолепной лирической поэзии его перу принадлежит ряд поэм, стихи для детей, а также повесть, рассказы, дневниковые заметки и рассуждения.

Самым яростным защитником и пропагандистом кутиловского творчества выступил его исследователь и друг Геннадий Павлович Велikosельский, без участия которого не состоялось бы ни одно из вышеперечисленных явлений поэзии Кутилова широкому кругу читателей. Геннадий Павлович сформировал и выпустил первый (посмертный) сборник стихов опального поэта, объединенных заглавием «Провинциальная пристань» (1990), на материале которого я предприняла попытку формирования любовного лирического цикла.

Прежде всего, имеет смысл сказать о том, что тема любви в творчестве А. Кутилова – сквозная. Но наиболее полно и красочно, со всей присущей поэту пылкостью и искренностью она развивается в шестидесятые годы и, что стоит отметить, на «почве» таежной созерцательной лирики. Этот переломный момент в судьбе Кутилова ознаменовался появлением в его жизни Женщины. Женщина завладела художественным миром поэта, его домом. И пусть это царствование длилось недолго, оно предопределило дальнейшую судьбу самого Кутилова и его *alter ego*, а также изменило направление его лирики в сторону любовной тематики.

Под *лирическим циклом* поэты рубежа XIX–XX веков понимали целостность, равную «большому стихотворению», состоящему из отдельных частей. Вслед за ними мы признаем лирический цикл «совокупностью взаимосвязанных между собой стихотворений, которая способна воплотить целостный взгляд на мир, выразить художественную волю автора» [1]. Разумеется, речь идет о традиционных – «авторских» – циклах, однако в истории литературы (как утверждает вышеупомянутый источник) иногда возникают и неавторские объединения произведений, получившие название «несобранных» циклов. Как все

мы знаем, это такие группы произведений, которые читатель выделяет в творчестве того или иного поэта на основании ряда объединяющих принципов.

Одним из объективных оснований для создания «несобранного» любовного цикла А. Кутилова послужило наличие в нем *мотива любви-борьбы*, нашедшего в творчестве поэта нетривиальное решение. История любви героя Кутилова драматична, определяется романтическим флером, обрамлена в декорации семейного быта.

Мотив любовной борьбы у Кутилова – это и борьба «...за любовь, авторучкой звеня», и немое противостояние («Божий дар – человеческий голос мы жалеем друг другу отдать»), и самоистязание («И, может, не палец, а горло любви кольцо обручальное сжало»). Как следствия его, здесь мы можем обнаружить ряд других общелитературных мотивов: *мотив любовного уединения* («мы одни», «есть я, есть ты в зеленом кимоно», «а сам давно... бежал в тебя»), *мотив ревности* («Ревную дико, тупо, ослепленно», «Мой ревнивец трогательно древний», «чесотка ревности лихой») и *мотив самоубийства* («Я встряхнусь, как пустой мешок, и пристроюсь на пыльный крюк», «Уходит... жена или слава..., свобода, а может, и жизнь», «А в комнате банально грохнул выстрел»).

На уровне субъектной организации текста мотив любовной борьбы (признанный нами лейтмотивом) проявляется в преодолении раздельности сфер героя и героини. Пространственно обособлены местоименные локусы мужского «я» и женского «...ты» еще в так называемой завязке действия, хотя речь идет об общем местонахождении: «ты да я, да транзистор на кресле», «Я впустил тебя в душу погреться». В ходе развития любовной коллизии они удаляются друг от друга («Уйдешь с другим, зато оставишь во мне красивую печаль»), а в финале они и вовсе разведены на крайние позиции («Когда над телами *убитых враги* распивают вино...»). Беспрестанное движение героя, одержимого своей любовью, не дает усидеть на месте и читателю, оказавшемуся в самом центре описываемых событий. Таким образом, мир Кутилова (субъектная сфера) всецело поглощает читателя и удерживает его в своих пределах вплоть до финала драматического действия. Достижению эффекта присутствия во многом способствует речевая организация цикла, подразумевающая индивидуально-авторский набор тропов и оригинальный поэтический синтаксис Кутилова (многократные анафорические повторы – «я люблю», «от любви» и т. п., многократные восклицания и ретардации, создаваемые с помощью многоточия). Лексика лирического героя изобилует просторечными

выражениями («картошина», «кромсать», «мил-дружок»), словами с ярко выраженной иронической, а порой и негативной экспрессией («морда», «тютя и губан», «горлопан»), окказиональными словами («добычливая охота»).

Драматизация коллизии стихотворения проходит и по горизонтали «герой – героиня», и по вертикали времен, демонстрирующей читателю антитезу мечты и действительности [1, с. 28].

В зависимости от переключки мотивов цикла, мы можем рассмотреть сюжетные функции отдельных произведений, входящих в его состав:

- 1) «Они бескрылы» – о женщинах в целом – *пролог*;
- 2) «Ты», «Любовь» – *завязка* романа;
- 3) «Я люблю! через горы и годы!..», «Ты знаешь меня?», «Я гляжу на тебя, любя...», «Счастье» – *этапы развития борьбы*;
- 4) «Война» – пик борьбы за любовь, поражение героя – *кульминация*;
- 5) «Обед», «Древность ревности», «Развод» и т. д. – *спад противостояния* между героями;
- 6) «Мечь», «А мысли шагают коряво» – для героя смысл борьбы утрачен; рефлексия – *финал*;
- 7) «В гостинице» – слово от автора – *эпилог*.

Стихотворения, составившие данный цикл, имеют различную жанровую природу, однако мы имеем основания рассматривать их совокупность как малый роман в стихах, о чем можно судить по избранному нами сюжетно-композиционному решению, изложенному выше. О том, что перед нами именно эта жанровая номинация (пускай и сформированная в критической рецепции), также позволяют заявлять логика в последовательности передачи событий и наличие «постоянного» лирического героя...

Таким образом, «несобранный» любовный цикл в книге «Провинциальная пристань» А. Кутилова представляет собой «монтажную» композицию, включающую в себя пятнадцать самостоятельных стихотворений, связанных между собой лейтмотивом, композиционно-тематическим единством, единой сюжетной линией...

В перспективе развития этой темы – уточнение объема цикла и его целостно-системный анализ. Иначе говоря, в дальнейшем предполагается проследить, как меняется смысл каждого стихотворения в контексте целого.

---

1. Мирошникова О. В. Анализ лирического цикла и книги стихов. Омск, 2001.

Композиция малого романа в стихах

Пролог

1. Они бескрылы

Боготворю их, солнечных и милых,
люблю сиянье знойное зрачков...
Они бескрылы, но имеют силы
нас окрылять, бескрылых мужиков!

Границы платьев берегут их прочно...
Я нарушитель ситцевых границ, –
они бескрылы – видел это точно!
А, впрочем, кто их знает, этих птиц...

Завязка

2. Ты

Кем-то в жизнь ты неласково брошена...
Безотцовщиной звали в селе...
Откопал я тебя, как картошину,
в чуть прохладной сибирской земле.

Я впустил тебя в душу погреться,
но любовь залетела вослед...

И теперь на тебя насмотреться
не смогу и за тысячу лет.

3. Любовь

Я влюблен...
Отвлекаться нельзя...
Ты да я, да транзистор на кресле...

Потихоньку
исчезли друзья,
и враги потихоньку исчезли.

Мы одни.
Заметает наш след
голубая любовная выюга...

Как вчера
мы любили весь свет,
так сегодня мы любим друг друга.

Развитие действия

4. ***

Я люблю! через горы и годы!..
Я люблю! сквозь любые погоды!..
Я люблю! сквозь погосты-кресты,
сквозь туманы-дороги-мосты!..
Сквозь цветы восковые у морга,
сквозь судьбу, что к молитвам глуха!..
Я люблю!.. ослепленно и гордо!
От любви перекошена морда,
от любви перехвачено горло,
от любви не хватает дыха...

5. ***

Ты знаешь меня?
Ты не знаешь меня.
Я бьюсь за любовь,
авторучкой звеня.

Тебя разглядев
в миллионной толпе,
по звукам гитары
спускаюсь к тебе.

По струнам дождя
из густых облаков
стремлюсь под чечетку
твоих каблучков.

Я критик и нытик,
гороховый шут...
Откроюсь тебе,
как с небес парашют.

6. ***

Я гляжу на тебя, любя,
твои локоны береблю...
Я люблю в тебе не тебя,
я другое в тебе люблю.

Ты – успехов моих музей,
ты – в меня из меня окно.
Для тебя я бросал друзей,
и родных разлюбил давно.

Свою меру добра и зла
ты сплела из моих систем.
Даже почерк ты мой взяла –
с завитушкой на букве «эм».
Ты – тропинка в моих снегах,
ты – письмо из Москвы в Сибирь, –
ты в долгах – голубых шелках,
ты – в силках у меня снегирь.

Ты должна мне, мой мил-другок,
я держу тебя сотней рук.
Вдруг уйдешь – и пропал должок!
Я встряхнусь, как пустой мешок,
и пристроюсь на пыльный крюк...

7. Счастье

Все в порядке! Рассыпались прядки...
Темнота нас с тобою хранит.
Пусть луна наиграется в прятки...
Наигралась. Взошла и звенит!
Поцелуй, ночные загадки...
И дымится, дымится вода...
Все в порядке, в таком уж порядке,
что секунда – и грянет беда.

Кульминация

8. Война

Есть я, есть ты в зеленом кимоно,
и телевизор смотрит диким глазом...
Я не люблю военное кино:
там все не так, как в дедовых рассказах.

Я скромный зритель, тютя и губан.
Не для меня твоей прически грива.
Тебе нужней экранный горлопан,
который «умер» точно и красиво.

Он после съемок бросится в такси,
ты в мыслях сядешь рядом на сиденье...
И вот тогда – о господи, спаси! –
мне так нужны войны цветные тени!..

И я взвзовьюсь, как утка на лету –
трофей твоей добычливой охоты.
Вот пусть тогда распорют темноту
брюхатые десантом самолеты!

Пусть бомбы сядут к праздничным столам,
пусть взрыв-букет цветет в руках у смерти.
Лежит кругом людей кровавый хлам,
и хлопья пепла носятся, как черти!..

...Я не люблю военное кино!
Люблю тебя в зеленом кимоно!
Ревную дико, тупо, ослеплено!
Люблю тебя в проклятии зеленом!..

...Зачем ты смотришь в черное окно?!

Спад

9. Обед

Что-то в жизни у нас раскололось...
Пустячок? Или смерти под стать?..
Божий дар – человеческий голос
мы жалеем друг другу отдать.

У живых, у горячих, как печка, –
на устах гробовая печать!..
Если ты бы сказала словечко,
то и я бы не смел промолчать.

Но в тарелки уткнулись носы...
Так, наверно, и плен коротают.
А на стенке пасутся часы,
щиплют время, жуют и глотают.

10. Древность ревности

Мой ревнивец –
трогательно древний,
он сидит с дубиной у горы...
Тьму кромсают
пламенно и гневно
обоюдоострые костры.
Он молчит –

лохматое сказанье...
Мысли дикаря идут вразброд...
Хочется спасти его,
да сам я
подал заявление на развод...

11. Развод

Уходит любовь. Холодеет в душе.
Тускнеют слова и предметы.
На милом лице проступает уже
посмертная маска Джульетты.

Рассудок смирят кипенье крови...
Твой взгляд голубее кинжала...
И, может, не палец, а горло любви
кольцо обручальное сжало.
Состарил сентябрь и фигурку твою,
твои очертанья грубеют...
Похоже, что я на расстреле стою,
И НАШИ УЖЕ НЕ УСПЕЮТ.

12. ***

В объятьях снов – пустых и страшных,
окружена обман-травой, –
ты любишь призраков вчерашних,
а я не призрак, я живой!

Ромашки туфельками давишь,
глядишь в сиреневую даль...
Уйдешь с другим, зато оставишь
во мне красивую печаль.

Июль прошел, и в самом деле
мы стали сами не свои...
Отгрохотали, отгудели,
отвыли наши соловьи.

13. Месть

«Останься! Надо!»
Не осталась...
«Приди, мне трудно!»
Не пришла...
И жизнь
по-новому слагалась,
хотя уж больше
не цвела...

Он стал расчетливым
и мудрым...
Встречая
бывшую жену,
он говорил ей:

«С добрым утром!..
Ну, как вам спится
с этим... ну-у...
Ну, как его?..»

Развязка

14. ***

А мысли шагают коряво,
а губы от страха спеклись...
Уходит... жена или слава...
свобода, а может, и жизнь.

На лучшем твоём перекрестке
она – у другого в руках.
Не порти, дружок, папироски,
не бейся в ревнивых силках.

Когда над телами убитых
враги распивают вино,
убитым уже не обидно,
убитым уже все равно...

Эпилог

15. В гостинице

Дает мне ключ приветливая тетя,
отводит койку, стол и табурет...
Сажу, пишу... А в комнате напротив
она и он плетут любовный бред.

Она рыдает – он в ответ рыдает,
она молчит – и он сидит молчком...
А я пишу... Мне вымысла хватает...
И сам я был влюбленным дурачком...

Теперь пишу о шуточках погоды,
о соловьях, о жизни, о судьбе...
Я все пишу: закаты и восходы,
и крики ветра, близкие к мольбе...

...Она ушла разгневанно и быстро...
Остался стон и шорохи листы...
А в комнате банально грохнул выстрел...
И я пишу: «Банально грохнул вы...»